

Экстремизм

Под экстремизмом, как правило, понимаются взгляды, учения или системы ценностей, категорически отрицающие существующий и общепринятый комплекс ценностей и при этом выступающие за насильственную смену ценностного комплекса в обществе. Взгляды и учения эти могут быть политические, социальные (культурные), а могут быть и религиозные. О религиозном экстремизме (сектантстве) мы поговорим отдельно, а сейчас уделим внимание «традиционному» толкованию экстремизма.

От терроризма экстремизм отличается тем, что не реализует массово такие акции, как взрыв машин у правительственных зданий или захват пациентов целой больницы в заложники. Максимум, при котором экстремисты могут еще считаться таковыми – уличные акции с «рукоприкладным» насилием. Иногда, конечно, такие акции кончаются государственными переворотами, но все равно это не из террористического арсенала.

Экстремизм в Интернете – это в первую очередь пропаганда. Пропагандируется комплекс целей и ценностей, которые исповедуют экстремисты, доказывается их «прогрессивность» и «неизбежность», обличаются противники и несогласные. Если организация исповедует некую субкультуру – то там могут даваться советы по стилю поведения, одежды, внешнего вида и тому подобному.

Даются «советы» и «консультации» и насчет повседневной жизни – что следует делать, а чего не следует, и как «правильное» делать правильно. Далее следует призыв «присоединиться» и участвовать в «борьбе» - в той или иной форме. В последнее время все чаще встречается «кликбез» по взаимоотношениям с правоохранительными органами, носящий характер «юридического просвещения».

Делается это, как правило, посредством Интернет-сайтов соответствующих движений и организаций, а также на общественных и политических форумах и в блогосфере.

Причем эти сайты, хоть и на русском языке, могут хоститься в доменной зоне почти любой точки земного шара – скажем, в США, где их контент подпадает под защиту свободы слова. В Интернет-среде могут назначаться акции, посредством сетевых ресурсов происходит широкое оповещение как ее будущих участников, так и обычных граждан (в число которых входят и СМИ, любящие новостные поводы). «Опытные» организации и их члены дают в Интернете советы, как «грамотно» организовать акцию, что и как делать на каждой ее стадии и после нее. Бывает, что учат и тому, как организовывать провокации.

В чем опасность Интернет-пропаганды экстремистов? В первую очередь в романтизации того, что они считают «активным протестом» - такая

«романтика» направляет энергию в деструктивное русло. Особенно это касается молодежи, которая зачастую полна внутреннего протеста – тем более если в государстве не все ладно. Под влиянием такой пропаганды формирующиеся личности начинают отрицать общепринятые ценности, вести себя асоциально и вместо образования и профессионального совершенствования сбиваются на такое, что трудно отграничить от обычного хулиганства. Исторических примеров тому масса. К примеру, как сто лет назад в России «упростили» сложнейшее по своей сути учение анархизма - его «сторонники» выродились в банальных бандитов, с которыми пришлось бороться и белым, и (затем) красным.

Политический и социальный экстремизм обычно имеет прочную «подложку» из социальных и политических проблем, имеющих в мире и государстве, и желания людей решать эти проблемы как можно действеннее. К числу таких проблем относятся несправедливость формирования элит, безработица, бедность, несправедливость при оплате труда и карьерном росте, стесненные социальные обстоятельства, высокий уровень преступности, отсутствие правосудия в интересах рядового гражданина, невозможность влиять на политическую систему путем легальных политических механизмов, неадекватность государственного регулирования. У многих несогласных с таким положением дел людей, особенно у молодежи, возникает законное желание сделать мир более справедливым. Однако быстрый путь, который чаще всего является экстремистским, не является самым лучшим.

Следует отграничивать от экстремизма право граждан на реализацию их неотъемлемых прав и свобод, в первую очередь личных (гражданских) и экономико-социальных, а также политических и культурных. Нередко в «экстремизм» записывается нечто, что просто не соответствует ценностям конкретного чиновника или группы чиновников – особенно это касается молодежных субкультур, зачастую безвредных (типа пришедших с Запада готов, металлистов или эмо). Еще чаще в число «экстремистов» попадает политическая оппозиция, ее организации и блоки, а в число экстремистских действий – выраженный в легальных формах политический или социальный протест. Самым массовым примером расширительного толкования экстремизма со стороны государства является преследование критики в адрес правящих политических сил и государственных чиновников. В ряде государств подобное видение экстремизма фиксируется даже в нормативных актах, несмотря на противоречия с Конституцией – что, понятное дело, только накаляет социальную обстановку.

Классика экстремизма вполне неплохо прописана в российской Конституции. Это разжигание расовой, национальной или религиозной вражды, призывы к незаконным насильственным действиям в отношении инакомыслящих, а также к насильственному изменению конституционного строя. Что касается других признаков экстремизма, то с точки зрения международного гуманитарного права их следует считать «расширительными» - а потому, говоря простым языком, надуманными. Ибо

возникает риск непропорционального ограничения таких прав человека, как, например, свобода слова.

Основной «группой риска» для пропаганды экстремистов является молодежь как наиболее чуткая социальная прослойка. Причем молодежь подросткового возраста, начиная где-то с 13 лет – в эту пору идет окончательное становление человека как самостоятельной личности.

Основные признаки того, что молодой человек\девушка начинают подпадать под влияние экстремистской идеологии, можно свести к следующим:

- его\ее манера поведения становится значительно более резкой и грубой, прогрессирует ненормативная либо жаргонная лексика;
- резко изменяется стиль одежды и внешнего вида, соответствующая правилам определенной субкультуры;
- на компьютере оказывается много сохраненных ссылок или файлов с текстами, роликами или изображениями экстремистско-политического или социально-экстремального содержания;
- в доме появляется непонятная и нетипичная символика или атрибутика (как вариант – нацистская символика), предметы, могущие быть использованы как оружие;
- он\она проводит много времени за компьютером и\или самообразованием по вопросам, не относящимся к школьному\вузовскому обучению, художественной литературе\фильмам, компьютерным играм;
- повышенное увлечение вредными привычками;
- резкое увеличение числа разговоров на политические и социальные темы, в ходе которых высказываются крайние суждения с признаками нетерпимости;
- псевдонимы в Интернете, пароли и т.п. носят экстремально-политический характер.

Понятное дело, что функция воспитания ребенка и формирования личности должна лежать на школе и на родителях, однако в нынешние времена школа от воспитательной функции фактически устранилась. Поэтому основную «борьбу за души» надлежит вести все-таки семье. Обязательным условием этой «борьбы» должна быть мягкость и ненавязчивость. Не следует категорически осуждать увлечение молодого человека – такая манера точно натолкнется на протест. Основой «контрпропаганды» должен стать тезис, что человек сможет гораздо больше сделать для переустройства мира, если он будет учиться дальше и как можно лучше, став таким образом профессионалом и авторитетом в обществе, за которым пойдут и к которому прислушаются.

Если речь идет об увлечении в стиле «Чемодан-вокзал – далее по списку», то «борьба за душу» должна строиться на многочисленных примерах, когда люди разных национальностей и рас вместе добивались определенных целей. Скажем, насчет ненависти к кавказцам всегда можно напомнить, что кавказец Сталин руководил всей Россией и сделал из нее сверхдержаву. Для России больше всего таких примеров дает Великая

Отечественная война – кстати, хорошее лекарство против увлечения нацизмом. Правда, если подросток тащит в дом кучу эсэсовской униформы и учит строевые команды по-немецки, это вовсе не значит, что он проникся идеями «фюрера и рейхсканцлера» - возможно, он занимается вполне почтенной в науке военно-исторической реконструкцией и от нацистских идей далек как от Луны.

Что же касается непонятных старшему поколению социокультурных увлечений типа «толкиенистов» или «готов» - то их бояться не надо, к экстремизму эти субкультуры не имеют никакого отношения. Другое дело, что необходимо следить за тем, чтобы в определенных местах исповедующий некую субкультуру человек выглядел все-таки так, как предписывает дресс-код – и в официальном учреждении «ирокез» лучше заменить хотя бы на «полубокс».

И никогда не надо забывать, что экстремизм – болезнь социальная. Поэтому к ней нужно подходить с инструментом не хирурга, а психолога. Тогда, возможно, удастся если не излечить главного пациента – общество – то хотя бы контролировать течение болезни. Пока же остается только пожелать нам в этом удачи.

